

Иван Крылов

Басни

Сочинитель и Разбойник

В жилище мрачное теней
 На суд предстали пред судьей
 В один и тот же час: Грабитель
 (Он по большим дорогам разбивал,
 И в петлю, наконец, попал);
 Другой был славою покрытый Сочинитель:
 Он тонкий разливал в своих твореньях яд,
 Вселял безверие, укоренял разврат,
 Был, как Сирена, сладкогласен,
 И, как Сирена, был опасен.
 В аду обряд судебный скор;
 Нет проволочек бесполезных:
 В минуту сделан приговор.
 На страшных двух цепях железных
 Повешены больших чугунных два котла:
 В них виноватых рассадили,
 Дров под Разбойника большой костёр взвалили;
 Сама Мегера их зажгла
 И развела такой ужасный пламень,
 Что трескаться стал в сводах адских камень.
 Суд к Сочинителю, казалось, был не строг;
 Под ним сперва чуть тлелся огонёк;
 Но там, чем далее, тем боле разгорался.
 Вот веки протекли, огонь не унимался.
 Уж под Разбойником давно костёр погас:
 Под Сочинителем он злей с часу на час.
 Не видя облегченья,
 Писатель, наконец, кричит среди мученья,
 Что справедливости в богах нимало нет;
 Что славой он наполнил свет
 И ежели писал немножко вольно,
 То слишком уж за то наказан больно;
 Что он не думал быть Разбойника грешней.
 Тут перед ним, во всей красе своей,
 С шипящими между волос змеями,
 С кровавыми в руках бичами,
 Из адских трёх сестёр явилася одна.

«Несчастный! — говорит она. —
 Ты ль Провидению пеняешь?
 И ты ль с Разбойником себя равняешь?
 Перед твоей ничто его вина.
 По люлости своей и злости,
 Он вреден был,
 Пока лишь жил;
 А ты... уже твои давно истлели кости,
 А солнце разу не взойдёт,
 Чтоб новых от тебя не осветило бед.
 Твоих творений яд не только не слабеет,
 Но, разливаясь, век от веку лютеет.
 Смотри (тут свет ему узреть она дала),
 Смотри на злые все дела
 И на несчастья, которых ты виною!
 Вон дети, стыд своих семей, —
 Отчаянье отцов и матерей:
 Кем ум и сердце в них отравлены? — тобою.
 Кто, осмеяв, как детские мечты,
 Супружество, начальства, власти,
 Им причитал в вину людские все напасти
 И связи общества рвался расторгнуть? — ты.
 Не ты ли величал безверье просвещеньем?
 Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облёк
 И страсти и порок?
 И вон опоена твоим ученьем,
 Там целая страна
 Полна
 Убийствами и грабежами,
 Раздорами и мятежами
 И до погибели доведена тобой!
 В ней каждой капли слёз и крови — ты виной.
 И смел ты на богов хулой вооружиться?
 А сколько впредь ещё родится
 От книг твоих на свете зол!
 Терпи ж; здесь по делам тебе и казни мера!» —
 Сказала гневная Мегера —
 И крышкою захлопнула котёл.

Богач и Поэт

С великим Богачом Поэт затеял суд,
И Зевса умолял он за себя вступиться.
Обоим велено на суд явиться.
Пришли: один и тощ и худ,
Едва одет, едва обут;
Другой весь в золоте и спесью весь раздут.
«Умилосердися, Олимпа самодержец!
Тучегонитель, громовержец! —
Кричит Поэт. — Чем я виновен пред тобой,
Что с юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла: и всё моё именье
В одном воображенье;
Меж тем, когда соперник мой,

Без выслуг, без ума, равно с твоим кумиром,
В палатах окружён поклонников толпой,
От роскоши и неги заплыл жиром». —
«А это разве ничего,
Что в поздний век твоей достигнут лиры звуки? —
Юпитер отвечал. — А про него
Не только правнуки, не будут помнить внуки.
Не сам ли славу ты в удел себе избрал?
Ему ж в пожизненность я блага мира дал.
Но верь, коль вещи бы он боле понимал,
И если бы с его умом была возможность
Почувствовать свою перед тобой ничтожность, —
Он более б тебя на жребий свой роптал».